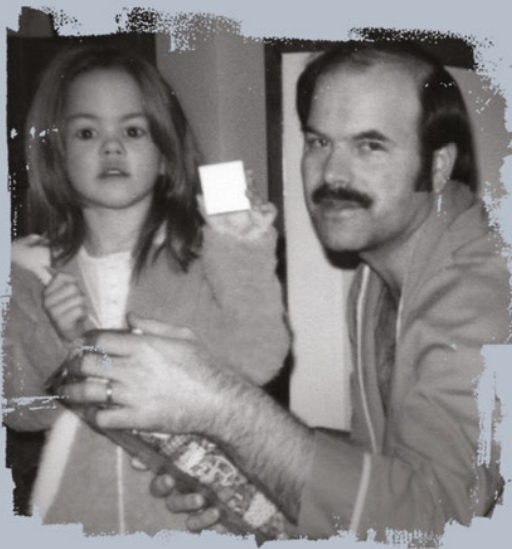

К Е Р Р И Р О У С О Н

дочь убийцы ВТК

дочь серийного убийцы

[Моя история страха,
боли и преодоления]

Замок из стекла. Книги о сильных
людях и удивительных судьбах

Керри Роусон

**Дочь серийного убийцы.
Моя история страха,
боли и преодоления**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

Роусон К.

Дочь серийного убийцы. Моя история страха, боли и преодоления
/ К. Роусон — «Эксмо», 2019 — (Замок из стекла. Книги о
сильных людях и удивительных судьбах)

ISBN 978-5-04-167304-8

В 2005 году Керри Роусон открыла дверь своей квартиры агенту ФБР, который поделился с ней шокирующей новостью. Только что за убийство 10 человек, включая двоих детей, был арестован ее отец. Тогда же она впервые узнала, что он был печально известным серийным убийцей ВТК, имя которого описывало ужасный способ совершения им своих преступлений: «связывать, пытаться, убивать». Как так вышло, что тот самый близкий человек, который был любящим отцом, преданным мужем, отважным лидером бойскаутов и примерным государственным служащим, мог оказаться одним из самых жестоких серийных убийц? Керри исследует свою жизнь, пытаясь разгадать эту загадку. Всем, кто страдает от незаживающих ран, разрушительных последствий насилия, предательства или гнева ...история Керри Роусон дает надежду обрести здравомыслие посреди безумия, восстановить жизнь в тени смерти и научиться прощать непростительное. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-167304-8

© Роусон К., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Керри Роусон	6
Об авторе	7
Обращение автора	8
Пролог. Иногда достаточно упрямства	9
Часть I. Держитесь за свои основы	10
1. Что не убивает...	10
2. Верьте в хорошие начинания	13
3. Надежда на счастливый конец	16
4. Забирайтесь на сосны, будьте сорванцами	19
5. Зимняя охота за кометами	22
6. Пускайтесь в приключения сейчас, потому что жизнь хрупкая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Керри Роусон
Дочь серийного убийцы: моя
история страха, боли и преодоления

Copyright © 2019 by Kerri Rawson. Published by arrangement with Thomas Nelson, a division of HarperCollins Christian Publishing, Inc.

© Увалиева А., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Дериану за его безусловную любовь.
Эмили и Йену: когда вы подрастаете,
я дам вам почитать эту книгу –
расскажу мою историю.
Сейчас вы еще недостаточно большие,
поэтому не просите.
И да, мама наконец закончила
свою книгу.*

Об авторе

Керри Роусон – дочь Денниса Рейдера, более известного миру как серийный убийца ВТК. После ареста отца Керри стала защитником жертв, подвергшихся жестокому обращению, разделяя с ними свое путешествие, полное надежды, исцеления, веры и прощения. Она живет с мужем, двумя детьми и двумя кошками в Мичигане.

Обращение автора

Моя семья и я глубоко признательны следующим организациям и людям, которые работают для общего блага. Сотни человек помогли нам в течение последних четырех десятилетий, в том числе полиция Уичито, сотрудники Федерального бюро расследований и Канзасского бюро расследований, шериф округа Седжвик, представители Седжвикского следственного изолятора, департамента полиции Парк-Сити, исправительного учреждения Эдвардо, офиса государственного защитника округа Седжвик, окружной прокурор округа Седжвик, город и общество Уичито, Wichita Eagle и Лютеранская церковь.

Все ошибки в тексте мои.

Пролог. Иногда достаточно упрямства

В феврале 25-го числа 2005 года моего отца Денниса Линна Рейдера арестовали за убийство. В последующие недели я узнала, что он был тем самым серийным убийцей, известным как ВТК (Bind, Torture, Kill¹), который на протяжении тридцати лет терроризировал мой родной городок Уичито в штате Канзас. После того как отец на всю страну признался в убийстве восьми взрослых и двух детей, я боролась с осознанием того, что первые двадцать шесть лет моей жизни были ложью. Мой отец был не тем человеком, которого я знала.

Я с трудом пыталась принять правду об отце с момента его ареста. Я боролась с чувством стыда, вины, злости и ненависти. В итоге я приняла факт, что стала жертвой преступления, еще будучи в утробе матери.

Больше я не сражаюсь со своим прошлым и не пытаюсь его скрыть. Оно такое, какое есть. Случилось то, что случилось, и это ужасно. О нем снятся ужасные сны, о нем ужасно думать и говорить. Невозвратная потеря, травма, эмоциональное насилие, депрессия, тревога, посттравматический стресс – всё это оставляет свои шрамы.

Я силилась простить, понять, пыталась собрать вместе осколки своей собственной жизни и жизни моей семьи. Борьба еще продолжается. В этом мне помогают надежда, правда, любовь – правильные и хорошие вещи, которые рассеивают тьму и прогоняют мои кошмары. Я выжила, найдя опору и силы бороться в вере, храбрости и в своем упрямстве, которое не дает мне сдаваться.

Керри Роусон

¹ «Связать, Пытать, Убивать.» (пер. с англ.).

Часть I. Держитесь за свои основы

*Посему мы не будем бояться, даже если земля разверзнется.
И если горы будут сдвинуты в средину моря.
Псалом 46:2*

1. Что не убивает...

Полдень

Пятница, 25 февраля 2005 года

Детройт, штат Мичиган

В день, когда мой мир рухнул, я поздно проснулась. Я небрежно собрала свои каштановые волосы резинкой и к полудню все еще не вылезла из своей флисовой пижамы мятного цвета. Ее мне подарили родители на Рождество два месяца назад, когда мы с моим мужем Дерианом ездили к ним. В Мичигане мы жили уже вторую зиму. В тот день я взяла выходной и не пошла в школу, где работала учительницей на замену. В те дни я часто оставалась дома, потому что вождение в снег и гололед доводило меня до грани.

Пятница 25 февраля 2005 года началась, как любой другой холодный день: снег кружил в воздухе и укутывал землю. Около половины первого я выглянула в окно, чтобы посмотреть, сколько снега выпало за ночь. Хотя к концу февраля сложно было сказать точно: одна гряда белого покрова накладывалась на другую.

Мой взгляд упал на бордовую развалюху, припаркованную у зеленой мусорки возле нашего жилищного комплекса. За рулем сидел мужчина, который как будто посматривал на наше окно.

Я забила тревогу: *опасный незнакомец.*

Дериан если бы и приехал, то только к ланчу. Когда время приблизилось к часу, я снова посмотрела в окно. Мужчина все еще был там.

Ну все, хватит, я звоню Дериану.

– Привет, ты когда обедать приедешь? – мой спокойный голос не выдал меня.

– Не знаю. Тебе принести чего? Может, из Тасо Bell?

– Не, – я сделала паузу. – Я звоню, потому что возле мусорки припаркована странная развалюха. За рулем мужчина, и он точно смотрит в наше окно. – В моем голосе нарастала паника, но Дериан оставался невозмутимым.

– Хм, в наше окно? Которое наверху?

– Да, прямо в него заглядывает.

– Ну это вряд ли, но, если тебе не по себе, вызови копов.

– Нет... Хотя может быть. Ладно, вызову, если он не уедет.

– Хорошо. Я скоро приеду домой поесть, если смогу вырваться. Сегодня завал.

Мы попрощались, и я снова выглянула в окно, на этот раз приоткрывая створки жалюзи – так, как бы сделал мой отец. Он все время учил нас бояться незнакомцев, никогда никому не открывать дверь, предпринимать меры предосторожности. Когда я была младше, отец работал установщиком сигнализаций, и я всегда думала, что поэтому он был таким параноиком. Все же ничего плохого не было в том, чтобы быть осмотрительной. Лучше быть осторожной, чем потом жалеть.

Я снова выглянула в окно.

Машина была на месте, а вот мужчина – нет.

Дзынь-дзынь.

Что с домофоном? Почему незнакомец звонит в дверь? Кто-то, наверное, снова оставил входную дверь открытой.

Теперь я точно забила тревогу. Сердце учащенно забилось, и меня охватил жар.

Я была уверена, что по ту сторону двери стоит тот мужчина. У нас был обычный замок – никакого засова. В доме, в котором я выросла, у нас все двери всегда были заперты на засовы. Вне зависимости от времени дня.

Сделаю вид, что меня нет дома.

Дзынь-дзынь.

Будь храброй, ничего страшного.

Я надела свои очки в проволочной оправе и посмотрела в глазок, снаружи стоял пятидесятилетний мужчина в рубашке. Галстук. Очки.

– Здравствуйте! Я могу вам помочь?

– Да. Я из ФБР, мне нужно с вами поговорить.

ФБР? Со мной?

– О чем?

– Мне необходимо с вами поговорить. Вы можете меня впустить?

Я стояла босиком, все еще в пижаме.

Отец всегда говорил: «Пусть они всегда показывают тебе свой полицейский значок. Пусть доказывают, что они копы». Не то чтобы кто-то до этого подходил к моей двери с полицейским значком, но, наверное, для всего есть первый раз.

Я приоткрыла дверь, загородив проход ногой. Если он был из ФБР, то мог и вломиться внутрь, а может, и нет. Сложно сказать, исходя из того, что я видела в фильмах.

На агента ФБР он не был похож. Мужчина выглядел так, будто работал в налоговой.

– Вы мне покажете свои документы?

– Да, – он раскрыл значок и позволил все рассмотреть, затем продолжил в более мягком тоне: – Так я могу зайти? Мне нужно с вами поговорить.

Хорошо... Но какого черта?

– Да, конечно, мой муж скоро будет дома. На обед. Он уже в пути.

Еще один урок от отца: всегда говори незнакомцу, что кто-то скоро будет дома, даже если это неправда.

– Отлично, с ним мне тоже надо поговорить.

Рассматривая незнакомца в коридоре своей квартиры, я решила, что он выглядел нормальным. У него с собой даже не было пистолета – только желтый блокнот и карандаш.

Вот вам и фильмы.

– О чем вам надо со мной поговорить? Вы точно к тому человеку пришли?

Он перевел взгляд на блокнот и затем снова на меня.

– Да, думаю, что все верно. Вы Керри Роусон? Девичья фамилия – Рейдер. Двадцать шесть лет?

Я кивнула.

– Родом из Уичито, штат Канзас? Ваш отец – Деннис Рейдер?

– Да, все так, – я не могла понять, что все это значит.

Почему этот мужчина тут? Чего он хочет?

Я развернулась по направлению к кухне, но коридор был настолько узкий, что зараз по нему мог пройти только один человек. Я не хотела, чтобы мужчина шел позади меня, поэтому пропустила его вперед. Я пыталась понять причину его визита, но ощущала только белый шум в голове. *И страх.*

Я сосредоточилась на мелких деталях: василькового цвета полотенца с изображенными на них подсолнухами выделялись на фоне моей белой кухни. Мы привезли их из Канзаса в

Мичиган восемнадцать месяцев назад, когда папа помогал нам переезжать после свадьбы. На столешнице стоял шоколадный торт, посыпанный сахарной пудрой. Я его испекла накануне.

Возле моих кулинарных книг лежали связка ключей и синяя сумочка. Книга Бетти Крокер была подперта коробкой с рукописными домашними рецептами друзей и родственников.

Мужчина из ФБР встал напротив меня, спиной к микроволновке.

– Вы слышали о ВТК?

Что за?..

Комната вдруг сузилась, а затем все стало слишком ярким и отчетливым.

– Вы про парня, которого разыскивают в Уичито? В Канзасе?

– Да.

Во мне поднялась паника.

– Что-то случилось с моей бабушкой? Ее убили?

– Ваша бабушка? Нет, с ней все в порядке.

– Бабушка очень хрупкая, – сказала я. – То одно, то другое. Мои все время должны следить за ней. На этой неделе она была в больнице. А ВТК ведь убивает женщин.

– Это ваш отец.

– Что мой отец?

– Он был арестован.

– Что, простите?

– Арестован. Его подозревают в том, что он и есть ВТК. Подозревают в совершении убийств в Канзасе.

– Мой отец – что?..

– ВТК. Подозреваемый. Арестован. Давайте присядем. Мне нужно задать вам пару вопросов.

– Моя мама? С моей мамой, Полой, все хорошо? Её убил мой отец?

– Нет, с ней все хорошо. Она в безопасности. Ее сейчас забирают на допрос.

– Кто? Кто забирает?

– Полиция. Они будут ее допрашивать. С ней все в порядке.

– А мой брат Брайан? С ним все хорошо? Он расквартирован в городе Гротон, штат Коннектикут. Он пехотинец.

– Да. В данный момент мы ему сообщаем новости.

– Кто мы?

– ФБР, – мужчина раскрыл блокнот. – Мне нужно задать вам вопросы. Это важно. Когда, вы сказали, ваш муж будет дома?

Комната вокруг меня закружилась. Я схватилась за стену у плиты. Моя ладонь задела картину из витражного стекла – всполохи фиолетового, розового, зеленого, – на ней была выгравирована бабочка и слова «*Любовь никогда не подводит*».

До меня дошли слова: «Ваш отец ВТК». Меня всю трясло.

– Кажется, мне лучше присесть, мне нехорошо.

Комната окрасилась в красный цвет, и перед глазами замелькали темные пятна.

Я проваливалась в черную дыру, не понимая, как буду оттуда выбираться.

2. Верьте в хорошие начинания

Июнь 1981 года

Уичито, штат Канзас

Люди, которые знали моих родителей до того дня, 25 февраля 2005 года, сказали бы вам следующее: Деннис нежно любил Полу. Мой папа сказал бы вам то же самое – даже сейчас. Но он должен был осознавать, что все это не будет длиться вечно.

Мои самые ранние воспоминания о том, как дома раздавалась музыка из проигрывателя. Папа отправил его нам посылкой годами ранее, когда его воздушно-силовые войска были расквартированы за границей. В момент, когда Carpenters запевали в унисон «We've Only Just Begun», папа притягивал маму ближе, она начинала смеяться, и они кружились по комнате минуту или две, затерявшись в моменте. А я, будучи еще малышкой, крутилась в своем стульчике и хлопала в ладоши. Когда играла «(They Long to Be) Close to You» и я танцевала с папой, встав на его белые носки, я думала, что его любовь ко мне не знает пределов.

Все эти музыкальные хиты вышли в 1970-х, незадолго до того, как встретились мои родители. Старший из четырех братьев, папа был последним из них, кто встретил маму, тоже старшую из сестер. Они все посещали Лютеранскую церковь, моя бабушка Доротея всегда говорила моей маме: «Погоди, у меня есть еще один сын, ты еще не видела Денниса. Он скоро вернется домой».

Летом 1966 года папа вызвался добровольцем в армию до того, как его привлекли к службе. В течение четырех лет он ездил по миру в качестве специалиста по коммуникациям: он побывал в Греции, Турции, Южной Корее и на острове Окинава, в Японии.

Папа мог с легкостью забраться на столб и установить антенну, провода, и вообще все, что нужно, – пара манипуляций запястьем, немного возни и терпение. В то время он вернулся домой с коробкой фотографий и сувениров и кучей историй. Он провел время за границей скорее как турист, нежели чем сержант в военное время.

Двое папиных братьев воевали в джунглях Вьетнама: Пол был моряком на патрульном торпедном катере, а Билл – морским пехотинцем. Дяди мало рассказывали о своей службе, но точно было одно: на туристические поездки они не походили. Самого младшего папиного брата, Джеффа, не призвали на службу.

Мой дед, Уильям Рейдер, вырос в Рейдере, штат Массачусетс. Городок был основан моими предками в 1800-х годах. Позже его семья обосновалась в Питтсбурге, штат Канзас, где они все вместе работали на ферме. В феврале 1943 года мой двадцатидвухлетний дедушка вступил в ряды морской пехоты. Два месяца спустя моя семнадцатилетняя бабушка, которая тогда жила в Коламбусе, штат Канзас, на поездах поехала в Сан-Диего в Калифорнии, чтобы выйти замуж за свою школьную любовь. У дедушки тогда был выходной.

Я всегда представляла, как они танцуют под «Moonlight Serenade» в исполнении оркестра Гленна Миллера – наша любимая с бабушкой песня. Хотя, наверное, композиция эпохи свинг «In the Mood» по ритму им больше подходила. У них была всего одна ночь вместе, а затем – назад к реальностям Второй мировой войны.

Вскоре дедушка оказался в Тихом океане, он ремонтировал бомбардировщики B-25, которые пережили вражеский огонь и каким-то образом добрались до острова Мидуэй. Он вернулся домой с историями об аварийных посадках, самолетах, полных пулевых отверстий, и жизни на острове площадью в два квадратных метра.

Встреча на берегу моря привела к появлению отца девять месяцев спустя в марте 1945 года. Моя бабушка и мой отец на год остались в Коламбусе, пока в 1946 году дедушка не вернулся. Он работал на кухне, когда они пересекали Тихий океан, за это время дедушка почистил горы картофеля, сказав позже: «Это, конечно, лучше, чем драить палубу».

Когда отец был маленьким, дедушка с бабушкой переехали в Ривервью на севере Уичито из-за дедушкиной работы в Kansas Gas & Electric (KG&E). С улицы, где поселилась папина семья в белом бунгало с черной отделкой, были видны дымовые трубы из красного кирпича, возвышающиеся над рекой Литл-Арканзас.

Папа и его три младших брата спали на двухъярусных кроватях, папа убаюкивал их историями ковбоев и индейцев, копов и воров. Мальчики пешком ходили в начальную школу Ривервью по улице, обрамленной аркой деревьев, и каждую осень они получали «новые» джинсы, которые бабушка снова и снова латала, прежде чем превратить их в шорты. Подрастая, мальчики проводили все время снаружи, на рыбалке и на охоте.

В 1960 году бабушка устроилась бухгалтером в супермаркет Leeker's Family Foods. Мой пятнадцатилетний папа вскоре присоединился к ней, выполняя функции упаковщика и кладовщика.

Позже, когда мы все собирались на семейные посиделки, мой отец и дяди рассказывали историю за историей об их детстве, и мои двоюродные братья и сестры засыпали под них, пристроившись у горящего костра. То были истории о войне и призраках, небылицы и шутки.

* * *

Моя бабушка с маминой стороны, Айлин, выпустилась из старшей школы Плейнвью, что на юге Уичито, в 1944 году и сразу же устроилась на работу в корпорацию Boeing. Она развозила на тележке запчасти по заводскому цеху, где собирали бомбардировщики B-29.

Отец моей мамы, Палмер, вырос в городке Уакини в Канзасе и два года прослужил на Тихом океане. Он был радистом и оператором кода Морзе в воздушных войсках и всегда говорил нам: «Яйца никогда не портятся: на тех военных кораблях мы ели яйца двухгодичной давности и радовались, что они у нас были».

После войны бабушка положила глаз на кассира из магазина Safeway. Дедушка тоже сразу обратил на нее внимание, увидев в очереди. Он тогда подумал: «Вот она – девушка, на которой я женюсь». До сих пор непонятно, кто за кем бегал, но хватило нескольких свиданий, чтобы все решилось. Они поженились три месяца спустя, в 1946 году.

Мама родилась в 1948 году в Плейнвью, где и прожила первые годы своей жизни. Затем они с семьей переехали в Парк-Сити в северном районе Уичито – в пяти километрах от папы. В подростковом возрасте мама и ее сестры, Шэрон и Донна, помогали в семейной пекарне и вместе с бабушкой вели дела в местном бассейне.

В августе 1970 года двадцатипятилетний отец вернулся домой, отслужив в военно-воздушных силах. В форме он выглядел красиво и элегантно. Когда он улыбался, его оливковые глаза щурились. Двадцатидвухлетняя мама была длинноногой красоткой, носящей короткие платья, которые были популярны в то время. У нее были темно-карие глаза и коротко подстриженные темно-каштановые волосы. Они обратили друг на друга внимание, встретившись на одном из церковных собраний.

Мама говорила мне: «Когда это то самое, ты просто знаешь».

Папа говорил: «У нас была любовь с первого взгляда, и тачка у нее была обалденная».

Следующие несколько месяцев папа жил со своими родителями, ходил на занятия в общественный колледж Батлер и работал на полставки в Leeker's. Мама жила со своими и работала секретарем в администрации ветеранов.

Родители обручились в 1970 году, немногим после Рождества. Папа сделал маме предложение, стоя в середине заледенелой реки Арканзас в центре Уичито. Два месяца спустя мамин Chevelle 66-го года занесло на ледяном мосту в квартале от церкви, и она врезалась в другой автомобиль. Мама сломала спину, и папа бросился к ней в больницу Уэсли. Он поддерживал ее и помог выздороветь.

В мае 1971 года вся семья и друзья собрались на свадьбу моих родителей. Возле мамы выстроились ее сестры в одинаковых небесно-голубых платьях и шляпках, в руках они держали белые маргаритки. Возле отца стояли одетые в костюмы братья.

Мамина тетя стояла перед алтарем, где родители впервые встретились, и пела «We've Only Just Begun». Папа был одет в белый костюм. Он: «Я клянусь хранить тебе верность». Я слышала эту историю столько раз и до сих пор не знаю, как нужно правильно говорить эту клятву. Мама идеально произнесла свою клятву. Она вся вытянулась в струнку, гипюровое платье с высоким воротником скрывало корсет, поддерживающий ее спину.

Вечером того дня небо затянули тучи, и их свадебный торт, украшенный желтыми и голубыми цветочками, почти перевернулся на парковке. Торт удалось спасти, и во время торжества папа с озорной улыбкой на лице скормил маме большой кусочек. Светящаяся от счастья мама прикрыла ладонью рот и проделала с папой то же самое.

Стоя в дверях церкви, мама с папой помахали семье и друзьям на прощание.

3. Надежда на счастливый конец

Июнь 1971 года

Вернувшись домой после медового месяца, мама с папой купили белый фермерский дом с желтой отделкой. Это был типичный для 1950-х дом, и расположение комнат было такое же, как и в доме, в котором выросла мама.

Претворяя в жизнь свою американскую мечту, родители разложили белый свадебный сервиз по выстланным бумагой кухонным шкафчикам, закупили кухонную утварь оттенка авокадо. В кухне мама приклеила кремово-коричневые обои. Для большого окна в гостиной она сшила голубые занавески из прочной ткани. На столиках стояли голубые кувшины, доставшиеся папе от его бабушки Керри. Рядом с папиным проигрывателем лежали пластинки. Мама была рада, что ее родители были рядом, и надеялась, что вскоре в их доме будут резвиться детки.

Учась на последнем курсе в колледже, папа устроился рабочим в компанию Coleman. Он ушел с работы, когда окончил Батлеровскую программу по электронике в 1972 году. Потом он устроился в авиастроительную компанию Cessna и наслаждался своей работой в покрасочно-инструментальном цехе – ему давали полностью проявить навыки. Мама все так же продолжала работать секретарем в администрации ветеранов. Ее руки ловко порхали над печатной машинкой.

После работы они ели пищу в излюбленном местечке Angelo's и частенько заглядывали посмотреть кино в Crest. Первый и последний фильм ужасов, который она смотрела с папой, был «Дождись темноты» 1967 года. Я так и вижу, как мама сидит, прижавшись к папе, и заявляет: «Теперь фильмы буду выбирать я».

В то же время, после пережитой грозовой ночи на озере Уилсон, папа уяснил, что мама не любительница походов. Мама рассказывала, как они, съездившись, лежали в зеленой палатке, которая вся пропахла псиной, когда к ним вдруг подошел лесничий, светя им в лица фонариком, и предупредил о приближающемся торнадо. Она и до сих пор говорит: «В тот момент я сказала отцу – ну все, теперь в свои походы ходи сам».

* * *

Я выросла на историях о том, как мои родители познакомились, поженились и счастливо провели первые годы совместной жизни. Эти истории стали моим якорем по жизни, оплотом моих верований. Я хотела бы рассказывать только эти истории, до самого конца – это то, чего я хотела, что мне было необходимо.

Папа проявлял как свою «хорошую сторону, жизнь в белой шляпе», так и «темную сторону, жизнь в черной шляпе». В последующие тридцать лет отец пошел на многое, чтобы вести две жизни, пряча вторую от всех вокруг. Его вторая жизнь в итоге выплыла наружу и раскрыла миру ужасную правду.

Папа не просто решил в один день совершить убийство. Решение строилось постепенно, вырастая в течение первых двадцати девяти лет его жизни. После того как его арестовали, он рассказывал о своем девиантном поведении: слежка, преследование, проникновение со взломом, кража, мучение животных. Он рассказывал о целом придуманном мире, выстроенном на жестокости и садизме. Он читал об известных преступниках, чьи самовлюбленные, убийственные действия сплетались с его собственными идеалами – они были его кумирами. У него все смешалось в голове: факты, вымысел, полуправда и неприкрытая ложь. Из всего этого родился его «Factor-X».

Он думал, что может контролировать свои наклонности, остановиться в любое время, но ошибался.

Ноябрь 1973 года

Осенью 1973 года папу уволили из компании Cessna. Ему нравилась работа, платили хорошо. Это увольнение сильно ударило по нему и впоследствии вылилось в папино полное опустошение. Обозленный, оставшийся без дела, дерганный – тогда его наклонности обострились. Он вломился в соседний дом и попытался похитить женщину из Twin Lakes Mall.

В январе 1974 года отец убил Джозефа и Джули Отеро и двух их младших детей, одиннадцатилетнюю Джози и девятилетнего Джоуи. Трое старших детей Отеро обнаружили их тела, вернувшись из школы. Отец стал разыскиваемым преступником, который прожил следующие тридцать один год своей жизни во лжи и предательстве.

После убийства семьи Отеро отец начал учебу на факультете правосудия в Уичитском университете. Выбрав сферу правопорядка, отец скрывал свои извращенные и гнусные цели в тайне. Занятия в университете стали для него прикрытием. Он говорил маме, что пошел в библиотеку, а сам охотился на жертв.

В апреле 1974 года отец убил Кэтрин Брайт, двадцатиоднолетнюю девушку, которая жила рядом с университетским кампусом. Он боролся и с ее братом, выстрелив и почти убив его.

Осенью того года в поисках славы отец связался с газетой Wichita Eagle и сообщил, что он убил семью Отеро, тогда он и назвал себя ВТК. Он также начал работать в компании ADT установщиком систем безопасности, создавая возможность сеять страх вокруг. Он создавал для себя доступ и прикрытия, ведь никто не обращает внимания на грузовики и работников в униформе. Он работал днем и посещал вечерние занятия, отсутствовал часами и возвращался домой поздно. Чтобы помочь ему справиться с учебой, мама часто печатала, а иногда и писала его курсовые работы.

В то время как папа изучал правосудие и безопасность, он забрал эти же вещи у семей Отеро и Брайт. Он также начал чрезмерно опекать свою собственную семью. Извращенное безумие отца, вызванное его чрезмерной осторожностью и подозрениями, пропитало наш дом на десятилетия вперед. У нас не была установлена система безопасности, но на дверях висели фирменные стикеры ADT, а окно задней двери было заклеено металлическим скотчем. Папа говорил, что этого достаточно, чтобы отпугнуть плохих ребят. После того как его арестовали, он прокомментировал это свое поведение: «У меня возросло чувство самообороны. Я все время смотрел наружу, мое ружье всегда было заряжено. Я всегда проверял, чтобы наши окна были плотно закрыты, впрочем, как и все в Уичито».

Мой зеленоглазый светловолосый брат Брайан появился на свет в июле 1975 года. После трех лет безуспешных попыток мои родители наконец стали родителями. Мама назвала брата Брайаном в честь футболиста Брайана Пикколо, который боролся с раком в 1960-х и которого играл Джеймс Каан в трогательной экранизации 1971 года «Песня Брайана». Несколько недель спустя моего брата крестили в деревянной лохани, в том же месте, где родители поженились годами ранее. Мама ушла с работы, чтобы быть с сыном, и мои родители зажили тихой семейной жизнью.

Спустя десятилетия отец прокомментировал пробел в убийствах после рождения моего брата таким образом: «Мы стали семьей. Я был занят работой, ребенком». При этом отец продолжал преследовать потенциальных жертв, и в марте 1977 года убил Ширли Виан Рэлфорд, мать троих детей. В декабре 1977 года, когда мама была беременна мной третий месяц, отец убил двадцатипятилетнюю Нэнси Фокс. Мой отец сам воспитывал ребенка, но при этом он забрал мать у других детей. У него должна была родиться дочь, но он забрал двух дочерей у их семей.

Я родилась ранним утром в июне 1978 года, и меня крестили вскоре после этого. Меня назвали в честь бабушки Керри, а второе имя мне дали такое же, как у отца, – Линн.

Папа продолжал играть со СМИ и полицией, будучи ВТК, загоняя в страх наш город и мою маму. Затем он ушел в затишье, прекратив коммуникацию через день после моего первого дня рождения. Он окончил Уичитский университет. После ареста он сказал: «Я стал семейным человеком, воспитывал детей».

Но даже это не остановило его.

NEWS BULLETIN

Июнь 1979 года

Сегодня мужчина, который зовет себя ВТК (Bind, Torture, Kill), оставил письмо в почтовом отделении в центре Уичито.

В 4 часа утра мужчина подошел к пришедшему на работу клерку. Он вручил ему письмо и сказал вложить его в ящик для местного телеканала КАКЭ. Клерк сообщил, что мужчина был лет тридцати, гладко выбрит, с короткой стрижкой. Он был одет не по-летнему: джинсовая куртка, джинсы и перчатки.

ВТК разыскивается за семь убийств в 1974 году.

Если вы видели этого человека, обратитесь к властям немедленно.

4. Забирайтесь на сосны, будьте сорванцами

Май 1980 года

Пятнашка, беленький щенок спаниеля с каштановыми пятнами, появилась у нас в доме на День матери, когда мне было два года. Я хвостом ходила за папой по двору, а он пытался уследить и за ней, и за мной. Папа поднимал меня на руки, стряхивал грязь с моих коленей и терся усами о мое лицо, а я визжала: «Папочка, колется!»

По утрам я стояла в коридоре и наблюдала за тем, как папа брился в ванной. Временами он вдруг неожиданно сбривал усы или отращивал бороду. Когда я была маленькой, то думала: куда это ушел отец?

Я знала, что, когда глаза отца становились цвета весенней травы, я могла усесться рядом с ним и задать ему миллиард вопросов. Правда, насколько я себя помню, с ним были свои сложности. Когда глаза папы темнели, словно в них бушевала буря, стоило держаться от него подальше и ждать, пока он снова станет самим собой.

Сложно было предсказать, какой папа придет домой после работы, *кто* вел белый грузовик с красной лестницей и значком ADT. Когда папа был угрюмым и резким, не стоило болтать глупости, а лучше – вообще помалкивать. После того как отца арестовали, мама сказала: «Когда папа был рядом, иногда казалось, что мы будто по скорлупе ходили».

Мама знала, как спокойно выпроводить папу: «Я уберу со стола. Почему бы тебе не заняться делами во дворе? Или выгулять Пятнашку? На этих выходных обещают хорошую погоду, можно пойти на рыбалку».

Еще в раннем возрасте я поняла, что если выпроводить отца из дома, то он сразу расправляет плечи, исчезает его загнанный взгляд. Он просто снова становится *папой*.

Когда мне было три года, отец устроил в моей угловой спальне теплицу. Зимой я помогала ему выбирать семена растений в каталоге Burpee, а весной мы ставили горшки для рассады мятного цвета под флуоресцентные лампы. Он установил лампы поменьше над навесом, а я стояла на деревянной лестнице у входа, пытаюсь разглядеть, что успело прорасти.

По мере того как отцовский огород продолжал разрастаться в одной части двора, в другой он наметил построить домик на дереве. Вскоре на четырех столбиках из красного дерева появилась платформа. Мы, дети, были просто вне себя от ожидания, когда папа добавит окна и дверь. Стены домика стали достаточно высокими, такими, что даже папа внутри помещался. Тогда он приделал сверху покатую черепичную крышу, подставил ко входу лестницу и передал домик нам с братом.

По воскресеньям я часто просилась поехать с папой в магазин стройматериалов Payless Cashways. Там я слонялась вдоль стеллажей с инструментами, разными приспособлениями и лесоматериалом, от которого шел приятный запах. Папа выбирал то, что ему было нужно, клал все в багажник и привязывал к нему красный флаг. Затем мы возвращались домой и приступали к работе.

Май 1982 года

Когда мне почти исполнилось четыре, бабушка и дедушка с папиной стороны, Билл и Доротея, приехали на золотистом автомобиле Oldsmobile Cutlass Supreme, к которому был прицеплен небольшой желто-белый трейлер. В серый предзакатный час мы загрузили вещи в багажник и направились на юг.

Мы заехали в Техасский парк Goose Island, чтобы посмотреть на знаменитое Большое Дерево – массивный дуб, чьи ветви простирались до самого неба. Мы тогда еще скормили местным чайкам бабушкины хрустяшки Chess Mix.

Затем в порту Аранзас мы сели на паром до острова Падре и провели несколько дней на пляже. Папа начертил на песке поздравительную открытку для мамы, а нам он помог построить замки и подобрать самые подходящие ракушки для них. Я завизжала, когда волна накрыла наши творения и смыла их в океан.

Однажды утром папа случайно наткнулся на физалию и вернулся к трейлеру, прыгая и крича, с ярко-фиолетовой отметиной на ноге. Я захихикала от папиных криков.

Побережье с той волшебной поездки отпечаталось у меня в сердце, но я тогда была еще такой маленькой, что потом все расспрашивала маму: «А правда, что мы ездили смотреть Большое Дерево, кормили чаек и провели несколько дней на пляже?» На что она отвечала: «Ты что, не помнишь?»

Пока брат был в школе, я отправлялась с мамой в церковь, где она работала секретарем на полставки. Иногда по дороге туда мы видели дедушку Билла, который махал рукой, проезжая на газонокосилке по их земле, расположенной напротив полей. Я любила играть у белого сарая, к ограде всегда подходили лошади, которых можно было погладить, а рядом лежали старые доски, с которыми играть было опасно.

По воскресеньям мама пела в церковном хоре, а папа помогал рассаживать прихожан. Пока мама с папой были заняты на службе, мы с братом сидели с нашими бабушками и дедушками на скамье. Я обычно сидела между моими бабушками. Меня наряжали в оборчатые платья с кружевной юбкой. Я была такой непоседой, что шоркала по полу своими туфельками Mary Jane, но меня старались чем-нибудь занять. Бабушка Доротея угощала меня желтой жвачкой Juicy Fruit, а бабушка Айлин давала мне зеленый карандаш из гольф-клуба Echo Hill, чтобы я порисовала на рекламной листовке. Дедушка Палмер меня смешил, а дедушка Билл нас иногда водил на бранч в кафе Furr.

Воскресенье за воскресеньем я сидела и предавалась своим мечтаниям, глядя в церковные витражные окна. Мечтала пройти через хвойные деревья, покачивающиеся на ветру. Но если я слишком баловалась и мешалась, папа тащил меня из церкви и усаживал в наш «Шевроле». Кожаные сиденья автомобиля летом сильно нагревались и были липкими. Папа немного ослаблял узел галстука, закатывал рукава и читал воскресное издание своего любимого журнала Eagle.

Мама качала головой и спрашивал: «Ты можешь хотя бы по воскресеньям вести себя как леди?»

Я просто отвечала: «Не-а».

Тогда папа говорил с гордостью: «Это мой сорванец».

* * *

Отец совершил три убийства после того, как я родилась. Даже сейчас у меня в голове не укладывается та жизнь и тот папа, которого я знала, и тот другой человек.

После своего ареста папа рассказывал, что он научился разделять две стороны своей личности – это был его метод разделения светлого и темного. С момента, когда правда нам открылась, я пыталась мыслями цепляться за того человека, которого я знала, за наши любимые места, но правда в том, что он продолжал причинять зло и разрушать чужие семьи и в то же время жить и заботиться о своей семье.

Апрель 1985 года

В апреле 1985 года отец убил Марин Хедж, вдову и чью-то бабушку. Она жила на нашей улице, мы с мамой часто здоровались с ней, когда шли к бабушке с дедушкой.

Миссис Хедж исчезла в грозовую ночь. Когда я узнала, что ее ищет полиция, то испугалась. Мне было шесть лет, и в ту ночь дома были только мы с мамой – откуда мне было знать, были ли мы в безопасности?

Через пять дней к нашему дому подошел полицейский. Он опрашивал людей в окрестности и заглянул задать пару вопросов маме. Мой страх стал еще острее, когда тело миссис Хедж нашли в сельской местности неделю спустя – ее задушили. Не помню, как я об этом узнала, будучи такой маленькой. Наверное, услышала обрывки новостей или разговоры взрослых. Папа тогда мне сказал: «Не бойся, мы в безопасности».

Несколько недель спустя после того, как нашли тело миссис Хедж, я лазила по соснам возле церкви. Мама тогда на меня накричала: «Спускайся, пока руку не сломала!»

Через пару минут, когда я бежала обратно в церковь, я упала и сломала руку. Папа сразу бросился ко мне, наложил шину и посадил меня на заднее сиденье нашего нового универсала Oldsmobile. Он отвез меня в больницу Уэсли, где меня прооперировали. У меня был сложный перелом локтя. Врачи собрали мои кости и наложили гипс. Из-за осложнения я провела в больнице еще пять дней. Мама все время оставалась рядом со мной.

Из-за того что травма была серьезной, я не смогла окончить первый класс, и мы не поехали в отпуск на остров Падре. Я очень расстроилась, что мы не поехали на пляж, и чувствовала, что папа тоже – он очень ждал этой поездки.

В моей голове все смешалось: шок от перелома, вина за то, что пришлось отменять наши планы, и страх из-за убийства нашей соседки. Только спустя тридцать лет я посмотрю в лицо тем событиям, попытаюсь осознать, какую травму они нанесли, и начну оправляться от всего этого.

Что я знаю, так это то, что мои кошмары начались примерно в это время. Когда мама слышала мои крики, она подбегала ко мне, садилась на край кровати и убаюкивала меня. Еще не до конца проснувшись, я часто с ней спорила, иногда очень настойчиво утверждала: «В доме плохой человек, он в моей комнате». Она меня успокаивала: «Тебе это снится, ты в безопасности, а теперь ложись спать». И я засыпала, потому что рядом была мама, а в коридоре стоял папа, который никогда никому не позволит нас обидеть.

Тем летом, из-за того что мы не поехали на пляж, моя мама с сестрой, тетей Шэрон, повели детей в аквапарк FantaSea в Уичито. Моей двоюродной сестре Мишель было девять, мне было семь – та еще картинка. Она спрыгнула с качелей и сломала оба запястья в то же время, что и я руку. В тот день мы стояли с ней под водопадом, обернув свои гипсы целлофановыми пакетами, обе с хвостиками. Мы наблюдали за тем, как наши светловолосые братья и сестры съезжали по водным горкам. Мы со старшей сестрой Мишель, Андреа, позже вспомнили и смеялись над тем, как наши мамы пытались устроить нам приключения.

После обеда мы с мамой пошли на рафтинг, и когда накатил волна, наш плот перевернулся, и я упала в воду. Когда я ушла под воду, мама смогла схватить меня за гипс и вытащить наверх. Спасатель был готов броситься в воду и спасти меня, но мама уже это сделала.

5. Зимняя охота за кометами

Август 1985 года

В 1985 году, после тридцати семи лет работы оператором электростанции в Kansas Gas & Electric, дедушка Билл вышел на пенсию, на прощание ему подарили золотые часы. Он повел всех детей на экскурсию по электростанции, и я до сих пор помню, как была поражена громадными размерами генераторов, с которыми он работал на протяжении многих лет. Бабушка Доротея вскоре тоже вышла на пенсию, проработав в Leeker's двадцать пять лет. Мама проработала с бабушкой несколько лет на позиции бухгалтера, после чего ушла работать в магазин Snacks. Я любила ходить в их отделанный деревом офис, наблюдать за тем, как загибались длинные тонкие листы бумаги, пока мама с бабушкой постукивали по своим суммирующим машинкам.

После того как бабушка с дедушкой ушли на пенсию, мы с братом и мои двоюродные сестры, Лэйси и Сара, могли оставаться у них по несколько дней. Мы устраивали настоящий хаос, и тогда нас отправляли играть вниз, в отделанную деревом общую комнату, или же на улицу, где мы могли всю резвиться. Внизу мы играли в прятки, в отремонтированной части подвала было много мест, где можно спрятаться. На улице можно было спрятаться за садовыми принадлежностями в старом белом сарайчике, который пропах машинным маслом и грязью.

Вечерами мы с бабушкой смотрели старые черно-белые фильмы со стильно одетыми болтливыми героинями, которые разгадывали тайны. Еще мы играли в уно за обеденным столом, передавая друг другу попкорн и попивая колу. Дедушка обвинял нас, что мы прятали в рукавах карту «Возьми четыре», а мы трясли руками и говорили: «У нас все чисто». Он приподнимал одну бровь и посмеивался над нами.

Мы, девочки, похожие друг на друга, с одним цветом волос и глаз, часто спали в старой спальне наших отцов на широкой кровати бабушки и дедушки. Над кроватью висели фотографии папы и дядей, и мы хихикали над тем, как они выглядели раньше. Я засыпала под ласковые звуки ветра, дующего с заднего крыльца.

В феврале 1986 года мы с дедушкой Биллом, папой и Брайаном охотились за кометами, стоя на обочине дороги. Мы были одни из немногих, кому повезло увидеть кусочек кометы Галлея в морозный серовато-голубой рассвет. Она пролетела так быстро, что я даже не была уверена, увидели ли мы ее, но все согласились, что круглая, быстро несущаяся штука в небе была кометой Галлея. После того как она пролетела, выглянуло солнце, тогда дедушка сказал: «Это было что-то. Ну, кто проголодался?» Тогда он повел нас завтракать булочками в Grandy.

Август 1986 года

С папой всегда было весело пускаться в приключения: прыгать бочкой в бассейны, бежать по песчаным дюнам в грозу, кричать во все горло в парке аттракционов Space Mountain. Однако в августовский вечер 1986 года, когда мы были на отдыхе в Южной Каролине, папа будто сошел с ума.

Он заметил пыльные следы на верхушке фургона, который был припаркован под нашим балконом, и был уверен, что кто-то забрался на него и залез к нам в комнату, пока нас не было. Я никогда его не видела таким: глаза выпученные, весь в поту. Отец ходил из стороны в сторону, причитая как умалишенный. А когда мы переносили вещи из машины в комнату, он даже заставил всех нас использовать пароль, чтобы зайти внутрь, хотя только мы и ходили по двору.

Я научилась, как вести себя возле папы в такие моменты, наблюдая за мамой. Лучше всего было ему подыгрывать, так он быстрее успокаивался.

Что я не могу вам сказать, так это почему спустя месяц после того, как мы вернулись, отец убил Вики Вегерле, мать двоих детей.

Несмотря на нерациональное поведение папы той ночью, отдых удался на славу. Мы останавливались у достопримечательностей, находящихся по дороге к Тихому океану из Канзаса. В Калифорнии мы сходили в аквапарк Sea World, зоопарк Сан-Диего и провели три волшебных дня в Диснейленде. Когда в августе началась школа, я принесла фотографии с нашего отдыха, и моя учительница приклеила их на доску объявлений. Я могу вам рассказать все о той поездке и описать наш классный кабинет в деталях. Что я не могу вам сказать, так это почему спустя месяц после того, как мы вернулись, отец убил Вики Вегерле, мать двоих детей. Миссис Вегерле жила в районе Свитбрайар, где находилась библиотека, там я часами разглядывала книжные полки, а за углом парикмахерская, куда ходили папа с братом. Я не могу абстрагироваться от того периода моей жизни. Есть мои воспоминания и есть правда, о которой я узнала после.

Июль 1988 года

Моя семья продолжала ходить в церковь почти каждую неделю, и примерно в десять лет я стала там прислуживать. В то же время папа иногда помогал пастору, надевал рясу и красочное облачение, пытался с ним пропеть Апостольский символ веры. Мы с папой сидели друг напротив друга на службе, иногда ловили взгляды друг друга и молчаливо передавали сообщения: *Мама во всем виновата – я бы лучше на рыбалку пошла.*

Когда в июле папу уволили из ADT, он пришел домой разбитым. Я помню, как он открыл кухонную дверь, держа в руках лист бумаги, и попросил маму выйти наружу. Когда они вернулись, мама выглядела расстроенной. Папа строил планы по расширению дома, но тогда эти планы отошли на второй план и уже больше не обсуждались.

Папа нашел подработку в проведении переписи населения 1990 года, которая требовала постоянных командировок. Иногда его не было по несколько дней: он ездил по Канзасу, а также по Миссури, Арканзасу и Оклахоме. Я скучала по нему и радовалась, когда он приезжал. Мы ходили с Пятнашкой на долгие прогулки, смотрели с мамой допоздна фильмы ужасов и, несмотря на ее неодобрение, по очереди читали детективы.

Папа заведовал офисом в центре города, напротив центрального отделения, которое находилось в библиотеке, – наше с ним любимое место. Я всему изумлялась в его офисе: переносным картонным столикам, виду из окна. Я помню, как он закрывал офис насовсем, вытаскивая из него коробки с канцелярскими принадлежностями, и говорил, что перепись закончена и теперь все это государству ни к чему.

Та зима выдалась очень тяжелой для нашей семьи. Мама заболела в декабре, пролежав двенадцать дней в больнице с пневмонией. Папа старался изо всех сил, чтобы уследить за нами и поддерживать порядок в доме, но он стукнул машину соседей, когда мы поехали навестить маму в госпитале St. Francis.

Я окончила семестр с двойкой по английской литературе. Я всегда была хорошей ученицей, но никогда до этого не видела маму болеющей больше одного или двух дней. Мои отношения с папой будто бы ухудшились. Казалось, он отталкивает меня: был вечно занятым и угрюмым. Жизнь казалась нестабильной, и я боялась, что наша семья не выдержит этого стресса.

В январе 1991 года отец убил Долорес Дэвис, мать и бабушку, которая жила в нескольких километрах от нас.

Апрель 1991 года

Весной 1991 года папа стал заниматься коллекционированием почтовых марок. Он часто раскладывал по всему кухонному столу, пока мама была на занятиях хора. Я к тому моменту

уже знала, что лучше оставить папу в покое, пока он занимался своими делами. Если он был доволен, дома не витала грусть и я не должна была класть монеты в банку за ругательства.

В апреле папа наконец устроился на работу – инспектором в Park City. Его офис был в том же здании, что и полицейский участок, чуть ниже по коридору. Он носил безупречную коричневую униформу, похожую на ту, что носили шерифы, у него даже был золотой значок. Отец был в своей стихии, ездил по округе на грузовике и беспричинно мог заглядывать в чужие дворы. Он был доволен работой, и дома жизнь стала полегче.

* * *

Мой отец убил четырех членов семьи Отеро зимой 1974 года, и семнадцать лет спустя он убил миссис Дэвис. Он сидел без работы оба раза и после ареста заявил, что в обоих случаях был в угнетенном состоянии. Когда мне было двенадцать, я знала, что с папой что-то не так, но и подумать не могла, что он способен на убийство.

Многие люди теряют работу, переживают болезнь близких, сезонные перепады настроения или борются с психологическими проблемами, но они никогда не причиняют никому вред. Мой отец заботился обо мне и Брайане, готовил для нас яичницу на завтрак, пока мама была в больнице, и месяц спустя он убил чью-то бабушку.

То, что сделал мой отец, это настоящее сумасшествие: он забрал десять жизней на протяжении семнадцати лет и прожил другие четырнадцать, словно ничего и не было.

6. Пускайтесь в приключения сейчас, потому что жизнь хрупкая

Август 1991 года

Колорадо

В августе 1991 года дедушка Билл и бабушка Доротея повели Брайана, Лэйси, Сару и меня в парк Вудлэнд, что на северо-западе Колорадо-Спрингс. За нашим автомобилем Suburban плелся бело-коричневый трейлер. Бабушка отдала нам строгий приказ: каждый должен был взять столько вещей, сколько могло поместиться в коробку для помидоров, постирать их мы могли только в кемпинге.

В Колорадо мы ходили на форелевую рыбалку на кристально-голубом озере высоко в скалистых горах. Меня приводило в восторг, что бабушка рыбачит и пьет пиво прямо из банки. Когда мы на лошадях пробирались через красные скалы Сада богов, бабушка сказала, что стала старой для подобных вещей, а дедушка посмеялся и начал петь старинную ковбойскую балладу: «Whoopie ti-yi-yo, git along, little dogies».

Наши родители приехали за нами на следующих выходных, а бабушка с дедушкой остались еще на четыре недели, наверняка радуясь тишине и покою.

Три года спустя дедушка Билл слег с лейкемией в Колорадо-Спрингс. Папа и дядя Билл поехали за бабушкой с дедушкой в горы и привезли их трейлер домой.

После этого для нас стало обыденностью навещать дедушку в раковом корпусе больницы святого Фрэнсиса. Сначала я сильно нервничала из-за визитов в больницу, но дедушка держался молодцом, и его спокойное принятие ситуации помогло нам справляться со всем. Мы всегда предлагали захватить ему что-нибудь поесть из его любимых местечек вроде Long John Silver's или Braum's, но он обычно отказывался. Мама брала для него шейки с дробленным льдом из Ensure и сидела с ним, в то время как мы с папой вели бабушку на ужин.

Дедушкин прикроватный столик для подносов всегда был уставлен книгами, часто Миченера или Ламура, и мы с папой разговаривали с ним о книгах. Иногда папа оставался на ночь, но он всегда провожал нас, девочек, до машины, прежде чем вернуться к дедушке.

Март 1995 года

Техас

Одним пятничным вечером 1995 года мы с папой, Брайаном и кузеном Эйди, который на два года младше меня, отправились на неделю к южному краю Большого каньона на кемпинг. Во время поездки мальчишки отключились на заднем сиденье темно-коричневого Suburban, который мы одолжили у дедушки Билла. Я же не смыкала глаз, чтобы составить папе компанию, пока мы добирались до Далласа, штат Техас. Мы ехали через северо-западную часть Флориды, которую часто называют ручкой сковороды, перекусывали крекерами и восхищались ирригационными огоньками, мигающими за окнами далеко в полях, – казалось, что они не из этого мира. На следующий день мы с папой болтали часами, пока ехали через Нью-Мексико, рассматривая красно-оранжевые столовые горы за окнами, которые вырастали из желтых и зеленых равнин.

Мне было шестнадцать лет, я училась с отличием в старшей школе Уичито Хайтс. После школы осенью я играла в гольф, а весной занималась бегом на короткие дистанции. По субботам я участвовала в соревнованиях по боулингу, а по воскресеньям после обеда я работала в Snacks. В тот день, направляясь по шоссе I-40, мы вчетвером слушали дедушкино радио СВ и создавали свои собственные ручки, говоря что-то вроде: «Тормоз, тормоз». Магистраль пролегла параллельно старой трассе 66, и папа потчевал нас рассказами, как они с семьей ездили по ней в Калифорнию в середине пятидесятых.

После долгого дня на дороге мы приехали ночевать в придорожный мотель во Флагстаффе, он находился рядом с железной дорогой. Вскоре после того, как мы заснули, за окном пронесся поезд. Я села и закричала, разбудив мальчиков, которые уснули на полу в спальнях мешках. Я огляделась и увидела на освещенном уличным светом столике возле окна отцовские карты и последний номер журнала National Geographic.

Обычно меня успокаивала мама, но в тот раз папе это тоже удалось, он сказал: «Керри, все хорошо, это просто поезд, бояться нечего. Они всю ночь будут ходить, слышишь грохот рельсов? Под эти звуки хорошо засыпать».

Следующим утром мы подъехали к каньону и установили палатки на территории лагеря, окруженного соснами. Мы с мальчиками гоняли мяч под деревьями, под ногами хрустели сосновые иголки. В лагере было дерево, на которое было легко взбираться, и вся ребятня пыталась залезть на него в ту неделю.

Следующие четыре дня мы исследовали территорию, прошли большую часть основной тропы и спустились вниз к тропе Светлого ангела и к Кайбабским тропам. Днем каньон был оазисом теплоты и цвета, выказывая признаки наступающего лета. На окраине все еще царила прохлада, какая бывает ранней весной, когда зима еще не совсем отступила. По ночам я заправляла спальный мешок и двигалась поближе к папе, пытаюсь согреться в нашей зеленой палатке. За ночь наше дыхание замораживалось, и края одеял покрывались инеем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.